

УДК 94(47+57)"1917/1991":82'0

ТРЕТЬЯ ВОЛНА ЭМИГРАЦИИ И РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

© К.В. Средняк

Статья посвящена проблемам взаимодействия третьей волны литературной эмиграции (1970–1980-е гг.) со своими старшими современниками, покинувшими Россию после революции и во время Второй мировой войны. В качестве носителей иных культурных и социальных ценностей советские эмигранты выглядели чуждыми в глазах «старой эмиграции», что ускорило процесс формирования их собственной идентичности.

Ключевые слова: эмиграция; русское зарубежье; политические убеждения; социальные и культурные ценности.

Несмотря на то, что проблемы эмиграции, в т. ч. в их исторической перспективе, в последнее время вызывают живой исследовательский интерес, многим аспектам этой темы только предстоит стать предметом глубокого научного осмысления. Среди них – взаимодействие советской интеллигенции, покинувшей СССР в годы «застоя», с русскоязычной общиной за рубежом, ведь именно в процессе общения со «старой эмиграцией» происходила кристаллизация потребностей и интересов третьей волны, осознание ею себя как общности.

Постановка проблемы относится к середине 1970-х гг., когда сами эмигранты пытались дать определение своему месту в среде русского зарубежья посредством сравнения себя с предыдущими эмиграционными потоками [1, 2]. Однако подобные попытки были далеки от научности. С началом освоения темы третьей эмиграции в истории появляется ряд исследований, так или иначе затрагивающих проблемы взаимоотношений эмиграционных волн. При этом в трудах, опубликованных в 1990-е гг., преимущественное внимание уделялось сопоставлению причин выезда из страны в разные годы. Так, один из авторов коллективного издания «Народы России» С.И. Брук указывает на то, что, в отличие от послереволюционной и послевоенной эмиграций третья волна была подвижна, прежде всего, национальными мотивами [3]. Его взгляд разделяет и историк А.А. Пронин [4].

Современная историография по-разному решает вопрос о сущности спора третьей волны со своими предшественниками. Специалист по культуре русского зарубежья А. Грицман предлагает искать истоки кон-

фликта в творческой практике писателей-эмигрантов, покинувших СССР в 1970-е гг. Связанная с опытом советского периода, она не была преемственна по отношению к творчеству первых двух волн [5]. Напротив, один из авторов коллективного труда «Эмиграция и репатриация в России» Н.М. Лебедева указывает на необходимость поиска противоречий не в творческой, а в общественно-политической плоскости. По ее мнению, в целом неприязненное отношение русскоязычной общины к третьей волне объясняется следующими факторами: эмигрантов первой волны настораживали политические представления выходцев из Советского Союза, а представители второй волны видели в них конкурентов в области советологии, носителей более свежей информации [6].

Подводя итог обзору современной российской историографии, посвященной третьей эмиграции, следует отметить ее нацеленность на рассмотрение причин и мотивов выезда из страны, в то время как проблема взаимоотношений всех трех эмиграций остается периферийным сюжетом, поясняющим лишь исторические условия формирования волн, а не их взаимодействие и взаимовлияние. Поэтому цель данной статьи – обозначить основные тенденции в восприятии старой русской эмиграции советских писателей-эмигрантов. Необходимым условием для ее достижения является привлечение широкого круга источников, характеризующих как взгляд русскоязычной общины на новую эмиграцию, так и, наоборот, мнение выходцев из СССР о своих новых соотечественниках. Ведущую роль среди них играют документы личного происхождения и материалы эмигрантской периодики, позволяющие су-

дять о характере произошедшей встречи советских писателей с «Россией вне России».

К моменту появления нового эмиграционного потока из СССР русскоязычная община на Западе состояла из представителей послереволюционной эмиграции и их потомков, а также покинувших Советский Союз в период Второй мировой войны и сразу после ее окончания. Их реакцию на возникновение в конце 1960-х – первой половине 1970-х гг. третьей волны нельзя назвать однозначной. Крупнейшие издатели Русского Зарубежья, фактически обладавшие монополией на русскоязычные публикации, отнеслись к выходцам из СССР с определенной долей настороженности. Р. Гуль, редактор «Нового журнала», в своих мемуарах не скрывал раздражения в адрес так называемых *homo soveticus* («хомосоветикусы»), к каковым он отнес появившихся в начале 1970-х гг. на Западе И. Бродского и А. Зиновьева [7]. Еще более резкие характеристики даются представителям третьей волны в переписке Р. Гуля с С. Аллилуевой. Приехавших в Америку в 1969 г. писателей А. Белинкова и А. Кузнецова корреспонденты характеризуют как «искалеченных советских интеллигентов» [7, т. 3, с. 371] и «духовных калек» [7, т. 3, с. 379].

Направляющую роль «старой эмиграции» в среде русского зарубежья подчеркивал и А. Седых, главный редактор «Нового русского слова». По его мнению, третья волна не способна стать ее преемницей в силу поглощенности «личной жизнью и устройством, своими личными делами» [8]. Похожую позицию заняла и редактировавшая газету «Русская мысль» З. Шаховская: наряду с готовностью оказать поддержку советским писателям, она заметила, что по сравнению с первой эмиграцией у третьей волны в материальном плане лучшее положение, благодаря известности, заработанной ими на Западе еще до выезда из СССР [9].

Реакция рядовых собратьев по писательскому цеху на появление новых эмигрантов была более сдержанна. Представитель второй волны поэт И. Елагин отказался делить людей по времени их выезда из России [10]. Вторил ему и Б. Филиппов, попутно замечая, что третьей волне, в отличие от предыдущих, все же «не хватает культуры» [11]. Пример дружеской поддержки по отношению к прибывавшим из Советского Союза писателям

продемонстрировал потомок белоэмигранта 1920-х гг. С. Крикорьян. В ответ на повсеместную травлю признавшего себя осведомителем КГБ невозвращенца А. Кузнецова он вступил с ним в переписку, выдав ему т. н. «вексель доверия» [12].

Однако взгляд на проблему взаимоотношений волн получился бы однобоким без учета мнений самих представителей третьей эмиграции. Последние не спешили включаться в обсуждение «распрей Краснова с Деникиным» [13], до сих пор тревоживших их старших современников. В. Аллой, с 1976 г. постоянно проживавший в Париже, отмечал: «контакта меж «новыми» и «старыми» не получалось, а когда он происходил, то бывал довольно болезненным» [14]. Обнаружилось, что в прямом и переносном смысле они разговаривали на разных языках. А. Синявский отмечал, что его аудиторию на лекциях в первый год (1971–1972. – К. С.) составляли в основном старые эмигранты, но они «невероятно отстали от начала XX века в эстетическом смысле» [15]. Будучи приглашаемым в богатые дома старых эмигрантов, поэт и бард А. Галич, по свидетельству близко знавшего его И. Голомштока, «как-то стеснялся некоторые песни петь вообще, из каких-то выкидывал слова, которые могли шокировать эту публику» [16].

Привезенный третьей волной язык даже получил название «совдеповского жаргона» [17]. В интервью Дж. Глэду Р. Гуль признался, что язык третьей волны ему, как представителю великой русской культуры, просто режет слух [18]. Советские писатели, в свою очередь, сравнивали язык «старой эмиграции» с «замороженной клубникой» [19].

Однако причины расхождения между «волнами» не исчерпывались эстетическим неприятием. Пытавшийся наладить контакты со средой русского зарубежья В. Аллой пришел к выводу, что в основе их разногласий лежит борьба за место на «крохотном пятнышке работы на Россию» [14, с. 113]. Не последнюю роль сыграли также различные общественно-политические представления, присущие волнам.

Все это явилось отражением глубокой культурной и мировоззренческой пропасти, разделявшей эмиграционные потоки. Вместе с тем ни у одного эмигранта третьей волны мы не встретим отрицания культурной мис-

сии предшественников, сохранивших и приумноживших наследие Серебряного века. Именно в ней эмигранты постепенно начинают видеть основание для объединения. Даже категоричный в своих суждениях Б. Хазанов признавал, что со временем становится легче понимать психологию предшественников, единых в представлении о том, что «из пожара и беснования они вынесли некое вечное наследие России» [19, с. 214].

Всколыхнувшая своим появлением устоявшийся мир русского зарубежья третья волна внесла в него острую полемику о том, кто же является истинным представителем оставленной страны. Победителей в этом споре быть не могло по той причине, что каждый из эмиграционных потоков унес «свою Россию». Поэтому и сама проблема должна рассматриваться в нескольких плоскостях: исторической, общественно-политической, мировоззренческой, художественной. При этом необходимо учитывать не только мнение «старой эмиграции» об оказавшихся на Западе советских писателях, но и обратный взгляд, ведь эмигранты третьей волны зачастую не стремились слиться с предшественниками. Будучи антисоветчиками для партии и общества в Советском Союзе, в глазах русского зарубежья они выглядели слишком посоветски настроенными и воспитанными. Таким образом, соприкосновение со своими старшими современниками, обнаружившее непреодолимые различия, явилось одним из факторов формирования самосознания третьей эмиграции.

1. Орлова Р. Двери открываются медленно. *Benson*, 1984. С. 59-60.
2. Эткин Е. Записки незаговорщика. Лондон, 1977. С. 425-428.
3. Брук С.И. Миграции населения. Российское зарубежье // Народы России. М., 1994. С. 62.
4. Пронин А.А. Историографические аспекты феномена российской эмиграции // Клио. СПб., 1997. № 1. С. 45-46.

5. Грицман А. Будет ли будущее? // Октябрь. 2000. № 5. С. 183.
6. Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. С. 129.
7. Гуль Р.Б. Я унес Россию: в 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 348-349.
8. Интервью с А. Седых // *Глэд Дж.* Беседы в изгнании. М., 1991. С. 55.
9. Третья эмиграция // *Время и мы.* 1977. № 14. С. 138.
10. Интервью с И. Елагиным // *Глэд Дж.* Беседы... С. 66.
11. Интервью с Б. Филипповым // Там же. С. 73.
12. Переписка С. Крикорьяна с А. Кузнецовым // *Звезда.* 2000. № 7. С. 149.
13. Письма С. Довлатова к Владимовым // *Звезда.* 2001. № 9. С. 155.
14. Аллой В. Записки аутсайдера // *Минувшее: Исторический альманах:* в 25 т. СПб., 1997. Т. 22. С. 119.
15. Интервью с А. Синявским // *Коваленко Ю.* Москва–Париж: Очерки о русской эмиграции. М., 1991. С. 184.
16. Галич А.А. Песня об Отчем доме. М., 2003. С. 470.
17. Вайль П. Великий город, окраина империи: [О русской литературной эмиграции «третьей волны» в Нью-Йорке] // *Знамя.* 1994. № 10. С. 205.
18. Интервью с Р. Гулем // *Глэд Дж.* Беседы... С. 42.
19. Хазанов Б., *Глэд Дж.* Допрос с пристрастием: литература изгнания. М., 2001. С. 215.

Поступила в редакцию 19.03.2009 г.

Srednyak K.V. The third wave of emigration and the Russian abroad. The article is devoted to the problem of perception and interaction between the third wave of Russian literary emigration (1970–1980) and their older contemporaries who had left Russia after the October Revolution and during World War II. Being the bearers of the other cultural and social values the Soviet writers seemed strange to “the old emigration” that became an impulse to formation of its own identity.

Key words: emigration; Russian abroad; political convictions; social and cultural values.